

A. S. Pushkin

СОБРАНІЕ ЗАПРЕЩЕННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. С. ПУШКИНА

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

25

Берлинъ
Изданіе Т-ва И. П. Ладыжникова

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig.

1.

АВТОРУ „ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО“.

I.

Въ его «Исторіи» изящность, простота
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

II.

На плаху истину влача,
Онъ доказалъ намъ безъ пристрастья
Необходимость палача
И прелесть самовластья.
1819.

2.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Посвящено Н. Н. Раевскому.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait . . . .

Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,

Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты

Звучитъ незнаемая лира —
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

Поднялась вновь усталая сѣкира
  И жертву новую зоветъ.
Пѣвецъ готовъ — задумчивая лира
  Въ послѣдній разъ ему поетъ.

Заутра казнь — привычный пиръ народу.
  Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу —
  Не измѣнилась до конца!

«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
  Я славилъ твой небесный ликъ,
  Когда онъ искрою возникъ.
  Когда ты въ бурѣ восходило.
  Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
  И власти древнюю гордыню
  Развѣялъ пепломъ и стыдомъ.
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую
  отвагу,
  Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
  Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ:
  Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
  Все ниспровергли, увлекли,

И пламенный трибунъ предрекъ, восторга
полный,
Перерожденіе земли.
Уже въ безсмертный Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны
тѣни,
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ,
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ
равенство,
И мы воскликнули: «блаженство!»
О, горе! о, безумный сонъ:
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О, ужасъ! о, позоръ!
Но ты, священная свобода —
Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа
Скрывалась ты отъ насъ. Цѣлебный твой
сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой . . .
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой
И вновь враги твои падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ
освященный,

Все ищетъ вновь упиться имъ;
Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ.
Такъ! онъ найдетъ тебя подъ сѣнію равенства;
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минётъ.
Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства! . . .

Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
Но, други, если обо мнѣ
Священно вамъ воспоминанье,
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье:
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье!

О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
Разнообразныя, завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь — друзья сіи листы
Всю жизнь мою хранятъ. У Авель, у Фанни
Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падетъ: мой недозрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ
творенiй:
Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ
вѣрной,
И долго слушая, скажите: это онъ!
Вотъ рѣчь его. А я, забывъ могильный
сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь . . . И, можетъ быть, утѣшенъ
буду я
Любовью; можетъ быть, и Узница
моя,
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая...»

Но пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
Пора весны его съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ . . . Красавицъ
томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенныя ночи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече . . . и стиховъ журчанье излилось:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный
геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ
искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И Муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый
другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда-жъ вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь,
Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,

Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала —
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завели меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
Мнѣ-ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать безсильныя бразды?
И что-жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной!
Погибни, голосъ мой, и ты, и призракъ ложной —
Ты, слово, звукъ пустой . . .»
«О нѣтъ!
Умолкни, ропотъ малодушной!
Гордись и радуйся, поэтъ:
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ,
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ

Совѣтъ правителей безславныхъ;
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей . . . .
Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву-Эвмениду!
Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
Вѣнчанную главу, рукой оцѣпенѣлой,
Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлой.
Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты, свирѣпый звѣрь,
Моей главой играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи губя —
Ты все-жъ пигмей, пигмей ничтожный.
И часъ прійдетъ . . . и онъ ужъ недалекъ:
Падешь, тиранъ! Негодованье
Воспрянетъ, наконецъ. Отечества рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ.
Теперь иду . . . пора . . . но ты ступай за мною!
Я жду тебя.»

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею.
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднялъ влажны взоры . . .
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они!
Надежды нѣтъ!
Звучатъ ключи, замки, запоры.
Зовутъ . . . Постой, постой, день только,
день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа.
Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ
палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ.
Вотъ и плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу
именуетъ . . .
Сихъ палачей самодержавныхъ . . .
Плачь, Муза, плачь! . . .
1825.

3.

Весь день, отъявленный лѣнивецъ,
Не зная думъ другихъ и дѣлъ,
Мечтаю я: гдѣ-жъ тотъ счастливецъ
Кому падешь ты на удѣлъ;
Кто въ поцѣлуяхъ этихъ губокъ —
Соперницъ нѣжныхъ устъ Харитъ --
Въ самозабвеньи полный кубокъ
Земнаго счастья осушитъ!
Къ кому уста твои и очи
И замирающая грудь
Прильнутъ во мракѣ тихой ночи
И не дадутъ тебѣ заснуть!

. . . .

Кляну заранѣ Гименея
И грѣшную мечту лелѣя,
И ею образъ твой чертя,
Не сплю всю ночь, тоску тая,
Верчусь съ горячею подушкой,
И имъ любуюсь втайнѣ я,
Какъ запрещенною игрушкой
Порой любуется дитя.

. . . .

4.

ВИШНЯ.

Румяной зарею
Покрылся востокъ,
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ,

Росой окропились
Цвѣты на поляхъ,
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

Туманы сѣдые
Плывутъ къ облакамъ,
Пастушки младыя
Спѣшатъ къ пастухамъ.

Съ журчаньемъ стремится
Источникъ межъ горъ,
Вдали золотится
Во тьмѣ синій боръ.

Пастушка младая
На рынокъ спѣшитъ
И вдаль, припѣвая,
Прилежно глядитъ.

Румянецъ играетъ
На полныхъ щекахъ,
Невинность блистаетъ
На робкихъ глазахъ.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
Подъ фартукомъ скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходитъ
Въ вишенникъ густой,
И много находитъ
Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасенъ,
Красотку манитъ,

Но путь къ нимъ опасенъ —
Бѣдняжку страшитъ.

Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишенъ поѣсть,
За вѣтвь ухватилась
На дерево взлѣзть.

Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
Ногой межъ вѣтвей.

Бери плодъ рукою —
И вишня твоя.
Но ахъ — что съ тобою
Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла,
Спѣшитъ пастушокъ,
Нога ослабѣла,
Скользитъ башмачекъ.

И вѣтвь затрещала —
Бѣда! смерть грозитъ!
Пастушка упала —
Но, ахъ! какой видъ!

Сучокъ преломленный
За платье задѣлъ:
Пастухъ удивленный
Всю прелесть узрѣлъ.

Среди двухъ прелестныхъ
Бѣлѣй снѣгу ногъ,
На сгибахъ чудесныхъ
Пастухъ то зрѣть могъ —

Что скрыто до время
У всѣхъ милыхъ дамъ,
За что изъ эдема
Былъ выгнанъ Адамъ.

Пастушку несчастну
Съ сучка тихо снялъ,
И грудь свою страстну
Къ красоткѣ прижалъ.

Вся кровь закипѣла
Въ двухъ юныхъ сердцахъ;
Любовь прилетѣла
На быстрыхъ крылахъ.

Утѣха страданій
Двухъ юныхъ сердецъ —

Въ любви ожиданій
Супругамъ вѣнецъ.

Прельщенный красою,
Младой пастушокъ
Горячей рукою
Коснулся до ногъ.

И вмигъ зарѣзвился
Амуръ въ ихъ ногахъ:
Пастухъ очутился
На полныхъ грудяхъ;

И вишню румяну
Въ соку раздавилъ.
И сокомъ багрянымъ
Траву окропилъ.
1815.

5.

ВОЛЬНОСТЬ.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,

Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру:
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла*),
Кому сама средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтреной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы — мужайтесь и внемлите:
Возстаньте, падшіе рабы!

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Повсюду рабства грозный геній
И къ славѣ роковая страсть.

Лишь тамъ, надъ царскою главой,
Неслышимо людей стенанье,

---

*) Андрей Шенье.

Гдѣ крѣпко съ вольностью святой,
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ
Гдѣ, сжатый вѣрными руками
Гражданъ, надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ —

И преступленье съ высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ:
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.
Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не порода;
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ.

И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О! мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавныхъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ
Въ виду безмолвнаго потомства,

Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
Падетъ преступная сѣкира
И самовластная порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ.

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостью увижу!
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы;
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ —
Глядитъ задумчиво пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью брошенный дворецъ*).

---

*) Дворецъ Павла, нынѣ — Михайловскій замокъ.

Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ
Надъ сими страшными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами . . .
Онъ видитъ: въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны:
На лицахъ дерзость, въ сердцѣ страхъ!

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъёмный,
Врата отверсты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наёмной.
О, стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри вторглись янычары,
Падутъ безславные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй.

Внемлите истинѣ, цари!
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона —
И станутъ стражею у трона
Народовъ: — вольность и покой!
1820.

6.

Встарь Голицынъ*) мудрость вѣсилъ,
Гурьевъ**) грабилъ весь народъ,
Аракчеевъ куралесилъ,
Царь же ѣздилъ на разводъ.

Нынѣ Ливенъ***) мудрость нѣситъ,
Царь же вѣшаетъ народъ,
Рыжій Мишка†) куралеситъ
И по прежнему разводъ.
1826.

---

*) Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ въ царствованіе Александра I.

**) Министръ финансовъ въ то же царствованіе.

***) Министръ народнаго просвѣщенія въ началѣ царствованія Николая I.

†) Великій князь Михаилъ Павловичъ.

7.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ АРИСТАРХУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго
наслѣдникъ,
Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ!
Недавно тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости
лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного
крупно:
Потѣшилъ языка бранчивою свербежъ;
Но извини меня, мнѣ было не въ терпежъ.
Теперь въ моей глуши журналы раздирая,
И бѣдной братіи стихонки разбирая
(А благо мнѣ читать теперь большой
досугъ)
Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый.

Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый!
И твердостью души, и смѣлостью ума!
Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
Завѣтныя слова: божественный, небесный —
И ими назвалася (для риѳмы) красота . . .
Не оскорбляя тѣмъ и Господа-Христа,
Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило,
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои посланія хоть очень я люблю,
Хотъ знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
Но подразнивъ тебя, я перемѣной сею
Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
Отнесся я къ тебѣ по долгу моему;
Но мнѣ-ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю
кому
Сей важной новостью обязана Россія.
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый Царь
избралъ:
Шишковъ*) уже наукъ правленье вос-
пріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь
народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;

---

*) Тогдашній министръ народнаго про-
свѣщенья.

Одинъ, среди вельможъ, онъ русскихъ музъ
любилъ:
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ.
Отъ хлада нашихъ лѣтъ сберегъ онъ лавръ
единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины! . .

Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ
Омара да Али принялъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша.
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ чистый въ правилахъ, думою пре-
восходный
И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачекъ.
Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи тягостныя
руки
Вы были ввергнуты, печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно: мрачная година протекла,
И нынѣ ужъ горитъ свѣтильникъ про-
свѣщенья.
Я съ перемѣною печатнаго правленья
Отставки цензору, признаться, ожидалъ;
Но самъ не знаю какъ — ты, видно, устоялъ.

И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ
оставить.
Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ
отъ тебя,
Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ само-
властно.
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, но мирному уму,
И даже глупости невинной и довольной,
Не заграждай пути заставой своевольной,
И если ты въ плодахъ досужаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго раз-
врата,
Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата,
То славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

8.

Въ Россіи нѣтъ закона —
А столбъ и на столбѣ корона.

9.

ВЪ СИБИРЬ.

(Декабристамъ.)

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье!
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра —
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Пріидетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа —
И братья мечъ вамъ отдадутъ!

1827.

10.

ГОРОДОКЪ.

(къ ***.)

Прости мнѣ, милый другъ
Двухъ-лѣтнее молчанье;
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.
На тройкѣ принесенный
Изъ родипы смиренной
Въ великій градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ —
Зѣвая веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,
Какъ будто у налоя
Измученный дьячекъ.
Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь,

Ужъ вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли —
Стыжусь — столь долго мной!
И въ тишинѣ святой
Философомъ лѣнивымъ,
Отъ шуму вдалекѣ,
Живу я въ городкѣ
Безвѣстностно счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ
Съ диваномъ, съ камелькомъ;
Три комнатки простыя —
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы простарѣлы
Съ черемухой цвѣтутъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладну сѣнь даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечетъ у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ

Живетъ благополучно —
Не ходитъ въ модный свѣтъ;
На улицѣ каретъ
Не слышенъ стукъ докучной;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телѣга
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится . . .
  Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленькій Эротъ!
Блаженъ, кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ,
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лѣниться одному
Въ постелѣ не мѣшаетъ;
Захочетъ — Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочетъ — сладко спитъ,
На Рифмова склонясь

И тихо забываясь —
Такъ я, мой милый другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
На вѣку распростился;
Укрывшись въ кабинетъ
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ — мертвецы,
Парнасскіе жрецы.
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ.
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы,
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ
Издѣтства сталъ піитъ.
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста, Тассо внукъ —

Скажу-ль? . . . Отецъ Кандида!
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ!
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать.
Питомцы юныхъ Грацій —
Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ.
И ты, пѣвецъ любезной,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Ванюша Лафонтенъ;
Ты здѣсь — и Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя.
Но вотъ наперсникъ милой
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтенъ,
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться .
Коль можешь ты дивиться,

Дивись: ты побѣжденъ!
Воспитанны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ
(Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ;
Съ Мольеромъ-исполиномъ
Фонвизинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ грозный Аристархъ
Является отважно
Въ шестнадцати томахъ.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.
  Кладбище обрѣли
На самой нижной полкѣ
Всѣ школьнически толки,
Лежащіе въ пыли:
Визгова сочиненья,
Глупова псалмопѣнья,
Извѣстныя творенья,
Увы, однѣмъ мышамъ!
Миръ вѣчный и забвенье

И прозѣ и стихамъ!
Но ими огражденну,
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный,
Отъ члена Русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣньи . . .
Не трудно отгадать;
Такъ, это сочиненьи
Презрѣвшія печать.
Хвала вамъ, чада славы,
Враги Парнасскихъ узъ!
О князь, наперсникъ Музъ,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ;
Въ сатирѣ — знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту —
И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ Адѣ стихъ веселый

Поэтовъ раздражилъ.
Какъ въ юношески лѣты,
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потопилъ;
И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ столь богатый,
И вкуса образецъ;
И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжалъ
Игривой Тальи далъ!
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпонируетъ
Такой оригиналъ!
Тутъ вижу я съ Чернавкой
Подщина слезы льетъ.
Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
Въ трагическомъ смятеньи
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженьи,
Играютъ въ кубари.
Но назову-ль дѣтину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнилъ лишь собой!
О ты, высотъ Парнасса

Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды
Убранство чердаковъ,
Гласятъ изъ рода въ роды:
Великъ, великъ — Свистовъ!
Твой даръ цѣнить умѣю,
Хоть право не знатокъ:
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать;
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.
О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы!
Займите же отнынѣ
Безпечности часы —
Мой другъ! Весь день я съ ними,
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.
Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари

Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ —
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушечьей волынкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтѣ дней возьмётъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспритъ,
Превыше смертныхъ станетъ,
И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ ввѣкъ піитъ!»
Но ею мнѣ-ль гордиться?
Но мнѣ-ль безсмертьемъ мститься?
До слезъ я спорить радъ,
Не бьюсь лишь объ закладъ,
Какъ знать, и мнѣ, быть можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Апполлонъ;
Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безтрепетнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ!
Не весь я преданъ тлѣнью:

Съ моей, быть можетъ; тѣнью,
Полунощной порой,
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовать пріидетъ
И, мною вдохновенный,
На лирѣ воздохнетъ.
  Покамѣстъ, другъ безцѣнный,
Каминомъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и перомъ —
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ.
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто-жъ ея сестрой,
Любовію младой,
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И лить на вѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ,
Мой горестный удѣлъ? . . .
Пѣвца сопутникъ милой,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной!
Дай руку сладострастью
И съ чашей круговой

Веди меня ко счастью
Забвенія тропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивый макъ
Покроетъ томны очи,
На вѣтряныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ тѣсной,
Тихонько постучись,
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечта! Въ волшебной сѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви!
И блескъ очей небесный,
Ліющихъ огнь въ сердца.
И Граціи станъ прелестный,
И снѣгъ ея лица;
Представь, что на колѣняхъ
Покоясь у меня,
Въ порывистыхъ томленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью страстной.
Устами на устахъ:
Горитъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ! . .
Почто стрѣлой незримой
Уже летишь ты вдаль?

Обманетъ — и пропалъ
Бѣглецъ невозвратимой!
Не слышитъ плачъ и стонъ,
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнетъ обольститель,
И въ сердцѣ грусть-мучитель!
  Но все ли, милый другъ,
Быть счастья въ упоеньѣ?
И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Марономъ,
Подъ яснымъ небосклономъ,
Близъ озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной,
Оставя злакъ прибрежной,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею
Закинувъ гордо шею.
Оставя книгъ ученье,
Въ досужій мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаёкъ;

Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ и вѣстей,
Мнѣ пропасть наболтаетъ —
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ;
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала;
Ѳома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ —
Старушка все разскажетъ.
Межъ-тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое,
А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ее,
Ни рифмы Удалова.
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.

Ахъ, видно, Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!
  Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ,
Зоветъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ, развеселясь,
За дѣдовскою кружкой
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ Очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнитъ ту баталью,
Гдѣ, роты впереди,
Летѣлъ навстрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашемъ.
Всегда я радъ душею
Съ нимъ время провождать,
Но, Боже, виноватъ!
Я каюсь предъ Тобою:
Служителей Твоихъ,
Поповъ я городскихъ,
Боюсь, боюсь бесѣды —
И свадебны обѣды

Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
Какъ папа Іудеевъ,
Я вовсе не люблю —
А съ ними крючковатый
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ.
Но, другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами
(И слово ужъ сдержу) —
Молебенъ отслужу!
1815.

11.

ГРАФИНѢ А. А. ОРЛОВОЙ ЧЕСМЕНСКОЙ.

Благочестивая жена
Душою Богу предана,
  А грѣшной плотію
  Архимандриту Фотію.

12.

ГРАФУ В—ВУ.

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-мудрецъ, полу-невѣжда,
Полу-подлецъ — но есть надежда,
Что будетъ полнымъ, наконецъ.

13.

ДВѢ НАДПИСИ КЪ КАРТИНКАМЪ ИЗЪ „ОНѢГИНА“, ПРИЛОЖЕННЫМЪ КЪ „НЕВСКОМУ АЛЬМАНАХУ“.

I.

Авторъ «Онѣгина» и Онѣгинъ на набережной Невы.

Вотъ перешедши мостъ Какушкинъ,
Опершись ж . . . о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосьё Онѣгинымъ стоитъ.
Не удостаивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!

II.

Татьяна, запечатывающая письмо.

Сосокъ чернѣетъ сквозь рубашку,
Наружу титька — милый видъ:

Татьяна мнетъ въ рукѣ бумажку
Зане животъ у ней болитъ:
Она затѣмъ поутру встала
При блѣдныхъ мѣсяца лучахъ —
И на под . . . . изорвала
Конечно «Невскій Альманахъ».
1829.

14.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Добра чужаго не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
Но мѣру силъ моихъ Ты знаешь —
Мнѣ-ль нѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю:
Я не хочу его села,
Не нужно мнѣ его вола —
На все спокойно я взираю.
Ни домъ его, ни скотъ, ни рабъ —
Не лестна вся мнѣ благостыня . . .
Но ежели его рабыня
Прелестна . . . Господи! — я слабъ! . .

И ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во плоти —
О Боже праведный, прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!
Кто сердцемъ могъ повелѣвать?
Кто рабъ усилій безполезныхъ?
Какъ можно не любить прелестныхъ?
Какъ райскихъ благъ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю;
Но строгій долгъ умѣю чтить.
Страшусь желаньямъ сердца льстить,
Молчу . . . и втайнѣ я страдаю!
1821.

15.

ДРУЗЬЯМЪ*).

Среди бесѣды вашей шумной
Одинъ унылъ и мраченъ я . . .
На пиръ раздольный и безумный

*) Первая редакція этого стиха, напечатаннаго въ изданіи 1859 г. т. I, стр. 140.

Не призывайте вы меня.
Любилъ и я когда то съ вами
Подъ звонъ бокаловъ пировать
И гармонически стихами
Пировъ веселье воспѣвать.
Но пролетѣлъ мигъ упоенiй —
Я радость свѣтлую забылъ,
Меня печали мрачный генiй
Крылами черными покрылъ . . .
Не кличьте-жъ вы меня съ собою
Подъ звонъ бокаловъ пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.
Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте же, друзья!
Утратьте вечеръ скоротечный:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.
1816.

16.

ЕВРЕЙКѢ.

Христосъ воскресъ! моя Ревекка.
Сегодня, слѣдуя душой
Закону Бога-человѣка,
Съ тобой цѣлуюсь, ангелъ мой —
А завтра къ вѣрѣ Моисея
Я снова долженъ приступить
И то̀ въ залогъ тебѣ вручить,
Чѣмъ можно каждаго Еврея
Отъ православныхъ отличить.

12 апрѣля 1821 г.
Кишеневъ.

17.

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

18.

Желали правъ они — права имъ и даны:
Изъ узкихъ сдѣлали широкіе штаны.
1826.

19.

ЖУКОВСКОМУ.

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся во дворецъ —
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!

20.

ИЗЪ „ГАВРИЛІАДЫ".

I.

Воистину Еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье:
Приди ко мнѣ, прелестный ангелъ мой,
И мирное прими благословенье!
Спасти хочу земную красоту!
Любезныхъ устъ улыбкою довольной
Царю небесъ и Господу-Христу
Пою стихи на лирѣ богомольной.
Смиренныхъ струнъ, быть можетъ, наконецъ
Ее плѣнятъ церковные напѣвы —
И Духъ святой сойдетъ на сердце дѣвы:
Властитель онъ и мыслей и сердецъ . . .

II.

Въ глуши полей, вдали Іерусалима,
Вдали забавъ и юныхъ волокитъ,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранитъ,
Красавица, никѣмъ еще не зрима,

Безъ прихотей вела спокойный вѣкъ.
Ея супругъ, почтенный человѣкъ,
Сѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеньи былъ единственный работникъ.
И день и ночь имѣя много дѣлъ
То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ . . .
И тайный цвѣтъ, которому судьбою
Назначена была другая честь,
На стебелькѣ не смѣлъ еще расцвѣсть.
Лѣнивый мужъ своею старой лейкой
Въ часъ утренній не орошалъ его:
Онъ какъ отецъ съ невинной жилъ Еврей-
кой,
Ее кормилъ и . . . больше ничего.
. . . .

II.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Не смыслю я другаго разговора.
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ,
И, всюду насъ преслѣдуя, томитъ
Предметъ одинъ и думы и страданій:
Неправда ли? — въ толпѣ младыхъ друзей

Наперсника мы ищемъ и находимъ;
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ стра-
стей
Нарѣчіемъ восторговъ переводимъ.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ, на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту;
Когда любви забыли мы страданье
И нечего намъ болѣе желать,
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать.
. . . .

IV.

Что-жь дѣлаетъ Еврейка? гдѣ она,
Іосифа печальная подруга?
Въ своемъ саду, печальныхъ думъ полна,
Проводитъ часъ невиннаго досуга
И снова ждетъ плѣнительнаго сна.
Съ ея души не сходитъ образъ милый:
Къ архангелу летитъ душой унылой.
Въ прохладѣ пальмъ красавица моя
Задумалась надъ говоромъ ручья.
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье,
Не весело прозрачныхъ водъ журчанье . . .
И видитъ вдругъ: прекрасная змѣя,
Приманчивой блистая чешуею

Въ тѣни вѣтвей качается надъ нею —
И говоритъ: «Любимица небесъ,
«Не убѣгай! Я плѣнникъ твой послушный.»
Возможно ли? О, чудо изъ чудесъ!
Кто-жъ говорилъ съ Еврейкой просто-
душной?
Кто это былъ? Увы! конечно, бѣсъ.
Краса змѣи, чешуй разнообразность,
Ея привѣтъ, огонь лукавыхъ глазъ,
Понравились Еврейкѣ тотъ же часъ.
Чтобъ усладить младого сердца праздность,
На Сатанѣ покоя нѣжный взоръ,
Съ нимъ завела пытливый разговоръ;
«Кто ты, змѣя! По льстивому напѣву,
«По красотѣ, по блеску, по глазамъ,
«Я узнаю того, кто нашу Еву
«Привлечь успѣлъ къ таинственному древу
«И тамъ склонилъ несчастную къ грѣхамъ.
«Ты погубилъ неопытную дѣву,
«А съ нею весь адамовъ родъ и насъ . . .
«Мы въ безднѣ бѣдъ безвинно потонули!
«Не стыдно ли!» — Попы васъ обманули!
И Еву я не погубилъ, а спасъ . . .
. . . .

V.

О, милый другъ! кому я посвятилъ
Мой первый сонъ, надежды и желанья,

Красавица, которой я былъ милъ,
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья?
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней?
Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы?
Я научилъ послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы
Безсонницы — дѣвическую муку.
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла . . .
Простишь ли ты, о милая моя?

. . . .

VI.

И бѣсъ сказалъ: «Счастливецъ горделивый!
«Кто звалъ тебя? Зачѣмъ оставилъ ты
«Небесный дворъ — эѳира высоты?
«Зачѣмъ мѣшать утѣхѣ молчаливой,
«Занятіямъ чувствительной четы?»
Но Гавріилъ, нахмуря взоръ ревнивый,
Рекъ на вопросъ и дерзкой и шутливой:
— Безумный врагъ небесной красоты,
Повѣса злой, изгнанникъ безнадежный!
Ты соблазнилъ красу Еврейки нѣжной —

И смѣешь мнѣ вопросы задавать?
Бѣги сейчасъ, безстыдникъ, рабъ мятежный,
Илъ я тебя заставлю трепетать! —
«Не трепеталъ отъ вашихъ я придворныхъ,
«Всевышняго прислужниковъ покорныхъ,
«Радѣтелей небеснаго царя!»
Проклятый рекъ и, злобою горя,
Наморщивъ лобъ, скосясь, кусая губы,
Противника ударилъ прямо въ зубы.
Раздался крикъ; шатнулся Гавріилъ
И лѣвое колѣно преклонилъ;
Но вдругъ возсталъ, исполненъ новымъ жаромъ,
И Сатану нечаяннымъ ударомъ
Хватилъ въ високъ. Бѣсъ ахнулъ, поблѣднѣлъ —
И бросились въ объятія другъ другу.
Ни Гавріилъ, ни бѣсъ не одолѣлъ.
Сплетенные, кружась, идутъ по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ на крестъ ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой.
Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, мы бѣгали на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?

Усталые, забывъ и брань и рѣчи —
Какъ ангелы боролись межъ собой.
Подземный царь, буянъ широкоплечій,
Вотще кряхтѣлъ съ увертливымъ врагомъ,
И, наконецъ, желая кончить разомъ,
Съ архангела крылатый сбилъ шеломъ,
Златой шеломъ, украшенный алмазомъ.
Схвативъ врага за мягкіе власы,
Онъ сзади гнетъ могучею рукою
Къ сырой землѣ. Еврейка предъ собою
Архангела зритъ нѣжныя красы —
И за него въ безмолвіи трепещетъ
Ужъ ломитъ бѣсъ; ужъ Адъ въ восторгѣ
плещетъ . . .
Но къ счастію проворный Гавріилъ
Впился ему въ то мѣсто роковое
(Излишнее почти во всякомъ боѣ),
Въ надменный членъ, которымъ тотъ грѣ-
шилъ:
Проклятый палъ, пощады запросилъ —
И въ темный Адъ едва нашелъ дорогу.
На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядѣла, чуть дыша;
Когда же къ ней, свой подвигъ соверша,
Привѣтливо архангелъ обратился,
Огонь любви въ лицѣ ея разлился
И нѣжностью наполнилась душа.

. . . .

VII.

Что дѣлать ей? Что скажетъ богъ ревнивый?
Не сѣтуйте красавицы мои!
О, женщины, наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды пріятнаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Беретъ урокъ стыдливости покорной
И мнимыхъ мукъ — и съ робостью притворной
Играетъ роль въ рѣшительную ночь.
А по утру, оправясь понемногу,
Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ — такъ томна̀:
Въ восторгѣ мужъ; мать шепчетъ: «слава Богу!»
А старый другъ стучится у окна.
. . . .

VIII.

Аминь, аминь! Чѣмъ кончу я разсказы?
На вѣкъ забывъ старинныя проказы,
Я пѣлъ тебя, крылатый Гавріилъ:
Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ

Усердное, спасительное пѣнье.
Храни меня! внемли мое моленье!
Досель я былъ еретикомъ любви,
Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель . . .
Раскаянье мое благослови:
Пріемлю я намѣренья благія —
Перемѣнюсь: Елену видѣлъ я!
Она мила, какъ нѣжная Марія —
Подвластна ей на вѣкъ душа моя . . .
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравиться повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея груди зажги любви желанье,
Не то пойду молиться Сатанѣ.
Но дни бѣгутъ — и время сѣдиною
Мою главу тишкомъ посеребритъ,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединитъ . . .
Даруй ты мнѣ блаженное терпѣнье,
Молю тебя — пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь!

1823.

21.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Н. С. АЛЕКСѢЕВУ.

Прощай, отшельникъ Бессарабскій,
Лукавый другъ души моей!
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

1826.

22.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то̀, что былъ Французъ,
Клеонъ, умомъ ее стращая,
Дамисъ — за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

1822.

23.

КИНЖАЛЪ.

Лемноскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замкàми,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной . . .

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый . . .
Кинжалъ, ты кровь излилъ — и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Исчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ,
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой,
Палачъ*) уродливый возникъ:

Апостолъ гибели — усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву-Эвмениду**).

Свободы мученикъ, избранникъ молодой,
О, Зандъ***), твой вѣкъ угасъ на плахѣ!

---

*) Маратъ.
**) Шарлота Кордэ.
***) Студентъ Карлъ Зандъ, заколовшій въ Мангеймѣ 23 марта 1819 г. тайнаго русскаго агента, Г. Коцебу, казненъ 21 мая 1820 года.

Но добродѣтели святой
Остался блескъ въ казненномъ прахѣ:

Въ твоей Германіи ты грозной тѣнью сталъ,
И на торжественной могилѣ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.
1821.

24.

КНЯЖНѢ С. А. УРУСОВОЙ*).

Не вѣровалъ я Троицѣ донынѣ:
Мнѣ Богъ тройной казался все мудренъ;
Но вижу васъ — и, вѣрой одаренъ,
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.

*) Нынѣ — княгиня Радзивилъ.

25.

КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

I.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ,
Ему орудіемъ духовнымъ:
Проклятье, мечъ и крестъ и кнутъ.
Пошли намъ, Господи, грѣховнымъ
Поменьше пастырей такихъ —
Полу-благихъ, полу-святыхъ.

II.

Вотъ Хвостовой покровитель,
Вотъ холопская душа,
Просвѣщенія губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!
Не попробовать ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

III.

Онъ добрый малый, братъ сестрицамъ,
Онъ не былъ золъ ни для кого;
Скажите правду, князь Голицынъ,
Ужъ не повѣсятъ ли его?

26.

КНЯЗЮ ДУНДУКОВУ.

В Академіи Наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ.
Говорятъ, не радоваетъ
Дундуку такая честь;
Отчего-жъ онъ засѣдаетъ?
Оттого, что ж . . . есть.

27.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Элегіи семьѣ своей читалъ,
А казачекъ огарокъ свѣчки сальной
Предъ ними съ трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, зарыдалъ . . .
«Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!»
Князь дочерямъ въ восторгѣ закричалъ:

Откройся, милый сынъ натуры!
Ахъ, что слезой твой омрачило взоръ?»
А тотъ въ отвѣтъ: — мнѣ хочется на дворъ!

28.

КЪ ОЛЕНИНОЙ,

которой митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего сада.

Митрополитъ, хвастунъ безстыдный,
Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ;
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ богъ садовъ.
Чему дивиться тутъ? Харита
Улыбкой дряхлость побѣдитъ,
Съ ума сведетъ митрополита,
Желанья плоти въ немъ родитъ —
И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,
Забудетъ о своемъ крестѣ,
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.

1817.

29.

КЪ ПАМЯТНИКУ АЛЕКСАНДРА I-го.

Всю жизнь провелъ въ дорогѣ
И умеръ въ Таганрогѣ.

30.

ПОСЛАНІЕ:

„КЪ М. Ѳ. ОРЛОВУ.“

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
(Хотя и русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенной!
О ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,

Усталымъ усачамъ, верхомъ,
Преподаешь царей науку;
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача!
Орловъ, ты правъ — я покидаю
Свои гусарскія мечты,
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За жирнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ — придворный: обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.
Смиривъ не мирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ.
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и халатѣ
Я буду пѣть моихъ боговъ,
Я буду ждать — когда возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей

И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей.
Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ, я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ!
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

1818.

31.

КЪ ПОРТРЕТУ АРАКЧЕЕВА.

Холопъ вѣнчаннаго солдата!
Ты стоишь лавровъ Герострата,
Иль смерти нѣмца Коцебу —
А впрочемъ — . . .!

32.

КЪ СЕВЕРИНУ*).

Твой дѣдъ портной, твой дядя поваръ,
А вы? — Вы знатный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ,
Высокородный Северинъ.
Потомокъ предковъ благородныхъ.
Увы! никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

1826.

*) Первая редакція стихотворенія «Жалоба».

33.

КЪ X......

Ты богоматерь: нѣтъ сомнѣнья —
Не та, которая красой
Плѣнила только духъ святой:
Мила ты всѣмъ безъ исключенья!
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга.
Есть Богъ другой; земнаго круга
Ему послушна красота;
То Богъ Парни, Тибулла, Мура;
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я —
Онъ весь въ тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

34.

КЪ П. ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
Не долго тѣшилъ насъ обманъ.

Исчезли юныя забавы,
Какъ сонъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнётомъ власти роковой,
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы;
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья —
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена!

1818.

35.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Онъ высшей волею небесъ
Живетъ на службѣ царской.
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ —
Периклесъ.
А здѣсь онъ — офицеръ гусарскій.

36.

КЪ ***.

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я.
За что же гнѣвъ такой? — Не знаю!

Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой,
И потому я повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангелъ мой!

37.

КЪ ***.

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди и сзади.

38.

ЛЬВУ СЕРГѢЕВИЧУ ПУШКИНУ.

I.

Нашъ пріятель Пушкинъ Лёвъ
  Не лишенъ разсудка;

Но съ шампанскимъ жирный пловъ
  И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
  Силою желудка.

II.

Все измѣнилося подъ нашимъ зодіакомъ:
Левъ козерогомъ сталъ, а дѣва стала ракомъ.

39.

МОЛИТВА ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Избави Господи ума такого
Какъ у Александра Васильевича Попова!
Слатвинскаго скромности,
Зубова томности,
Ильина чистоты,
Тютчева красоты,
Любомірскаго чванства,
Каверина пьянства,

Гротовой скупости,
Хов — на глупости,
Суетливости Оффенберга,
Разсудительности Унгернъ-Штернберга,
Чаадаева гордости,
Юш — ва подлости,
Креншина службы,
Сабурова дружбы,
Завадовскаго щедрости,
Гернгр — вой мерзости,
Кнабенау усовъ,
Пашковскихъ носовъ,
Салтыкова дикости,
Саломірскаго лихости,
Слѣпцова смиренья,
Кругликова пѣнья,
Барятинскаго спросовъ,
Рахманова вопросовъ,
Молоствова хвалы
И Микешина килы.

1815.

40.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смѣясь жестоко надъ собратомъ
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри, пожалуй, вздоръ какой,
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ.
Я просто русскій мѣщанинъ.

Понятна мнѣ временъ превратность:
Не прекословлю, право, ей;
У насъ нова рожденьемъ знатность
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ —
Бояръ старинныхъ я потомокъ,
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами*),

*) Князь А. Л. Меньшиковъ, родоначальникъ фамиліи, пирожникъ въ Москвѣ.

Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ*),
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками**),
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ***),
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ†):
Куда-жъ мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ!

Мой предокъ, ради службы бранной,
Святому Невскому служилъ.
Его потомство гнѣвъ вѣчанной
Иванъ четвертый пощадилъ.
Возились Пушкины съ царями —
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

---

*) Государственный канцлеръ князь А. А. Безбородко и князь Кочубей.

**) Графъ А. Г. Разумовскій, любовникъ и потомъ мужъ Елизаветы Петровны, былъ пѣвчимъ въ придворной капелѣ.

***) Графъ И. П. Кутайсовъ началъ службу при Павлѣ I какъ камердинеръ и брадобрѣй.

†) Предполагаютъ, что это намекъ на фельдмаршала графа Миниха.

Стиравъ крамолы и коварство,
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,
Мы къ оной руку приложили —
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало нами дорожили,
Но я, я темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
Въ свою родню неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ!
Его примѣръ будь намъ наукой —
Не любитъ спора властелинъ,
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой;
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденью третьяго Петра,
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился — мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ
И, не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я просто Пушкинъ, не Мусинъ.
Я самъ большой не царедворецъ,
Я грамотѣй — я мѣщанинъ.

Ѳадей Булгаринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ проданъ за бутылку рома
И въ руки шкипера попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

Сей шкиперъ дѣлу былъ доступенъ,
И сходно купленный Арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отцомъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ среди морскихъ пучинъ
Громада кораблей вспылала —
И палъ впервые Наваринъ.

1830.

41.

А. Н. МУРАВЬЕВУ,

после представленія трагедіи его: «Битва при Тиверьядѣ».

Не всѣхъ бѣснующихъ людей
Богъ истребилъ при Тиверьядѣ —
И изъ утопленныхъ свиней
Одна осталась въ Петроградѣ.

42.

НА ВОЦАРЕНІЕ АЛЕКСАНДРА Іго.

Сказалъ деспòтъ: «Мои сыны,
«Законы будутъ вамъ даны;
«Я возвращу вамъ дни златые
«Благословенной старины!» —
И обновленная Россія
Надѣла съ выпушкой штаны . . .

43.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

Подражаніе латинскому.

Ты угасалъ, богачъ младой!
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ.
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливый,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались:
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали бѣдные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ, что̀ сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,

Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы;
И мнилъ загресть онъ злата горы
  Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: «теперь ужъ у вельможъ
«Не стану няньчить ребятишекъ;
«Я самъ вельможа буду тожъ;
«Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
«Теперь мнѣ честность — трынъ-трава!
«Жену обсчитывать не буду,
«И воровать уже забуду
  «Казенныя дрова!»

Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
  Наслѣдника въ толчки.

Такъ жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;

Смотри: безцѣнный даръ она;
Умѣй же пользоваться ею!
Укрась ее — года летятъ,
Пора! Введи въ свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

44.

НАДПИСЬ КЪ ИСАКІЕВСКОЙ ЦЕРКВИ.

Сей храмъ трехъ царствъ изображенье:
Гранитъ, кирпичъ и разрушенье.

45.

Накажи святой угодникъ
Капитана Борозду!
Разлюбилъ онъ, грѣховодникъ,
Нашу матушку . . .

46.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почи среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила . . .
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно-ли царства упадали
При громахъ силы роковой?

Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ;
И день великій, неизбѣжный,
Свободы свѣтлый день насталъ —

Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой . . .
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Едва рожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.

Среди рабовъ, до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Францiя, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой,
Европа гибла: сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величiи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ! При звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россъ —
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?

Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара:
Но поздно Русскихъ разгадалъ . . .

Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война — на гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣгутъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.

И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ.
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ —

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!

Хвала! . . . Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Онъ рекъ и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ . . . и вновь повѣялъ
мимо,
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ.
На царственный порогъ вперилъ,
Смутясь, онъ очи;
Раздался бой полночи —
И се — внезапный гость въ чертогъ царя
предсталъ.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ
Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися
цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ
тѣнь зари.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,

Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Во мракѣ полунощи,
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Аустерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И Русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ, иль позоромъ,
Предъ юношей царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ.

1821.

47.

Напрасно ахнула Европа —
Не унывайте! не бѣда! —
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась «Полярная Звѣзда».

Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди, и скоты.
1824.

48.

Насильно Зубову мила,
Старушка дряхлая жила
Пріятно, понаслышкѣ — блудно,
Писала прозой, флоты жгла,
Съ Вольтеромъ лучшій другъ была
И умерла — садясь на судно.
И съ той поры въ Россіи мгла . . .
Россія — бѣдная держава:
Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава!

49.

Не вѣрю чести игрока,
Любви къ Россіи Поляка,
Не вѣрю я французской дружбѣ
И безкорысти Нѣмца въ службѣ.

50.

НИКОЛАЮ I^му^.

I.

Великій государь,
Ты нашихъ бѣдъ виновникъ!
Хотя плохой ты царь,
За то лихой полковникъ.

II.

Едва царемъ онъ сталъ —
И разомъ начудесилъ:
Сто двадцать человѣкъ тотчасъ въ Сибирь
послалъ,
Да пятерыхъ повѣсилъ.
1826.

51.

НИМФОДОРѢ СЕМЕНОВОЙ.

Желалъ бы быть твоимъ покровомъ,
Или сабачкою твоей,
Или поручикомъ Барковымъ . . .
Ахъ, онъ поручикъ, ахъ злодѣй!

52.

Нѣтъ подлѣе до Алтая
Перваго Николая,
И глупѣе нѣтъ отъ Понта
Перваго Ксенофонта.

53.

Она тогда ко мнѣ придетъ,
Когда весь міръ угомонится:
Когда все доброе ложится
И все недоброе встаетъ.

54.

ОТРЫВОКЪ.

I.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли.

II.

И дѣлу своему Владыка самъ дивился.
«Се благо!» думалъ онъ — и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара —
Все пало: подъ яремъ склонились всѣ главы.

III.

«Свершилось», молвилъ онъ. «Давно-ль
народы Міра
Паденье славили Великаго Кумира.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . *)

IV.

«Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла?
Надеждой новою Германія кипѣла,
Шаталась Австрія? Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно-ль судьбой народа
Ужъ правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?

V.

«Давно-ль? — и гдѣ же вы, зиждители
свободы?
Ну что-жъ? Витійствуйте, ищите правъ
природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!

---

*) Долженствовавшіе тутъ быть четыре стиха не были написаны Пушкинымъ.

Вотъ Кесарь — гдѣ же Брутъ? О, грозные витіи,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!»*)

55.

Отъ всенощной, вечоръ, идя домой,
Антипьевна съ Мароушкою бранилась;
Антипьевна отмѣнно горячилась.
«Постой», кричитъ, «управлюсь я съ тобой!
«Ты думаешь, что я забыла
«Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
«Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
«Постой, о всемъ узнаетъ мuженекъ!»
— Тебѣ-ль грозить! — Мароушка отвѣчаетъ:
— Ванюша что? Вѣдъ онъ еще дитя;
А сватъ Трофимъ, который у тебя

---

*) Куплеты VI—X, начиная отъ словъ «Онъ рекъ — и нѣкій духъ повѣялъ невидимо», напечатаны въ V-ой книжкѣ Полярной Звѣзды за 1859 годъ подъ этимъ стихотвореніемъ — но они принадлежать къ стихотворенію «Наполеонъ». — См. стр. 91/92.

И день и ночь? Весь городъ это знаетъ,
Молчи-жъ, кума; и ты, какъ я, грѣшна,
Словами-жъ всякаго, пожалуй, разоби-
дишь.
Въ чужой . . . . соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна. —
1817.

56.

ПАРОДІЯ.

на стихотвореніе Жуковскаго
«Тлѣнность».

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что, если это проза,
Да и дурная? . . .
1819.

57.

ПЕСТЕЛЮ.

Снесемъ иль нѣтъ главу свою —
Изъ полновѣснаго стакана
Твое здоровье, Пестель, пью,
И рвусь и злюся на тирана . . .
1821.

58.

П—МУ.

Онъ третьей гильдіи купецъ,
Второй съ Булгаринымъ предатель
Послѣдней гильдіи писатель
И первой гильдіи подлецъ.

59.

ПРО СЕБЯ.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь.
Я много обѣщаю —
Исполню ли? Богъ вѣсть!

60.

РАЗГОВОРЪ ФОТІЯ СЪ ГР. ОРЛОВОЙ.

«Внимай, что я тебѣ вѣщаю:
«Я тѣломъ евнухъ, мужъ душой».
— Но что-жъ ты дѣлаешь со мной? —
«Я тѣло въ душу превращаю».

61.

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.

«Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ:
«Отъ одного мерзавца міръ избавленъ.»
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ;
Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я — но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой одобрить.
Льстецы, льстецы, старайтесь сохранить —
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства!

1821.

62.

СКАЗКИ.

(Noël.)

Ура! въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ.
Спаситель горько плачетъ,
А съ нимъ и весь народъ.

Марія въ хлопотахъ Спасителя стращаетъ:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
«Вотъ бука, бука — русскій царь!» —
Царь входитъ и вѣщаетъ:

«Узнай, народъ россійскій,
Что знаетъ цѣлый міръ:
И прусскій и австрійскій —
Я сшилъ себѣ мундиръ.
О, радуйся, народъ: я сытъ, здоровъ и тученъ;
Меня газетчикъ прославлялъ;
Я ѣлъ, и пилъ, и обѣщалъ —
И дѣломъ не измученъ.

«Узнай еще въ прибавку,
Что сдѣлаю потомъ:
Лаврову дамъ отставку,
А Соца*) — въ желтый домъ;
Законъ постановлю на мѣсто вамъ Горголи**)
И людямъ всѣ права людей
По царской милости моей
Отдамъ изъ доброй воли.»

---

*) Два цензора.
**) Горголи, Иванъ Савичъ, бывшій петербургскій оберъ-полицмейстеръ.

От радости въ постелѣ
Запрыгало дитя:
«Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «бай, бай! закрой свои ты глазки;
«Пора уснуть бы, наконецъ,
«Послушавши, какъ царь-отецъ
«Разсказываетъ сказки!»
1819.

63.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ.
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ;
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождика четвергъ.

64.

Смотрю печально, молчаливо
На твой исписанный альбомъ,
И мыслю о порѣ счастливой,
Объ этомъ времени златомъ,
Когда кипучіе набѣги
Моей причудливой мечты

Вносили дюжины элегій
Въ такіе-жъ пестрые листы;
Когда на клятвѣ грѣховодникъ,
Я въ звукахъ пламенныхъ стиховъ
Ихъ расточалъ, и былъ охотникъ
До упоительныхъ грѣховъ.
Теперь не то — не тѣ ужъ грезы,
Не тѣ лѣта, и я душой —
Увы! — гожусь лишь для одной
Зѣвательной, почтовой прозы
Съ ея безгрѣшной чепухой.

65.

Сошлися школьники и вскорѣ
Одинъ изъ нихъ кой-какъ рецензію скропалъ,
Въ которой ясно доказалъ,
Что горе отъ ума — не рецензента горе.

66.

«Сыны Отечества» и «Вѣстники Европы»
Полезны для ума, а болѣе для ж . . .

67.

СѢЯТЕЛЬ.

«Издые сѣятель сѣяти
слово свое.»

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды!
Паситель добрые народы —
Васъ не разбудитъ чести кличъ.
Начто стадамъ дары свободы? —
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушкою, да бичъ!

68.

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили
вслухъ,
Что врядъ ли гдѣ ословъ найдешь подоб-
ныхъ двухъ.

Явился Бируковъ, за ними вслѣдъ Красовскій:
Ну, право, ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій!

69.

Тебѣ въ прощальныя мгновенья
Стихи на память я пишу;
Быть можетъ, очень я грѣшу,
Ввѣряя имъ мои мученья;
Но что же дѣлать? — ничего
Въ душѣ скрывать не умѣю:
И о прошедшемъ я жалѣю,
И жаль мнѣ сердца твоего.
Мнѣ грустно, другъ мой, что отнынѣ
Жизнь потечетъ твоя въ пустынѣ,
Гдѣ будутъ видѣть только глушь
Твои голубенькіе глазки;
Гдѣ думъ и чувствъ твоихъ, и ласки
Одинъ владѣтель будетъ — мужъ.
И грустно мнѣ, что этимъ ножкамъ
Ужъ не гулять въ тиши ночей,
При лунномъ свѣтѣ, по дорожкамъ
Тѣнистыхъ липовыхъ аллей.
И мнѣ о многомъ грустно, грустно . . .
Но какъ все это передать,

И какъ все выразить изустно,
Что можетъ сердце волновать?
Но я тоски моей не прячу
И, разставаяся съ тобой,
Я какъ ребенокъ горько плачу,
Прекрасный другъ мой, ангелъ мой!

70.

ТЫ И Я.

Ты богатъ, я очень бѣденъ:
Ты прозаикъ, я поэтъ;
Ты румянъ, какъ маковъ цвѣтъ,
Я, какъ смерть, и тощъ и блѣденъ.
Не имѣя въ вѣкъ заботъ,
Ты живешь въ огромномъ домѣ;
Я-жъ, средь горя и хлопотъ,
Провожу дни на соломѣ.
Ѣшь ты сладко всякій день,
Тянешь вины на свободѣ
И тебѣ нерѣдко лѣнь
Нужный долгъ отдать природѣ;
Я же съ черстваго куска,
Отъ воды гнилой и прѣсной,
Саженъ за сто съ чердака

За нуждой бѣгу извѣстной. —
Окруженъ рабовъ толпой,
Съ грознымъ деспотизма взоромъ,
Аѳедронъ ты жирный свой
Подтираешь коленкоромъ;
Я же грѣшную дыру
Не балую дѣтской модой,
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

71.

Ты хочешь знать, о дѣва молодая,
Какая разница межъ Буало и мной:
У Буало одна лишь запятая,
А у меня двѣ точки съ запятой.

72.

УЕДИНЕНІЕ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!

Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ цир-
цей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу раз-
мышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скир-
дами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шу-
мятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные, и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣ-
щенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя, иль глупца въ величіи неправомъ.

Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ;
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя.

Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?
1819.

73.

Хоть участье не поможетъ,
Все-жъ мнѣ жаль, что графъ Хвостовъ
Удержать въ себѣ не можетъ
Ни у . . ., ни стиховъ.

74.

ЦАРЬ НИКИТА.

Простонародная сказка.

Царь Никита жилъ когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творилъ добра, ни зла:
Такъ земля его цвѣла.
Царь трудился понемногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей —
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Чудо сердцемъ и душой . . .
Что за ножка — Боже мой!
А головка, темный волосъ,
Чудо-глазки, чудо-голосъ!
Умъ съ ума свести бы могъ —
Словомъ, съ головы до ногъ
Душу-сердце все плѣняло;
Одного не доставало . . .
  Да чего же одного?
Такъ — бездѣлки . . . ничего . . .
Ничего, иль очень мало . . .
Все равно — не доставало . . .

Какъ бы это пояснить,
Чтобъ совсѣмъ не раздразнить
Богомольной, важной дуры,
Нашей чопорной цензуры?
Какъ быть? . . . Помоги мнѣ Богъ!
У царевенъ между ногъ . . .
Нѣтъ, ужъ это слишкомъ ясно
И для скромности опасно —
Такъ иначе какъ нибудь:
Я люблю въ Венерѣ грудь,
Губки, ножку особливо;
Но сердечное огниво,
Цѣль желанья моего —
Что такое? . . . Ничего . . .
Ничего, иль очень мало . . .
И того-то не бывало
У царевенъ молодыхъ.
Ихъ чудесное рожденье
Привело въ недоумѣнье
Всѣ придворныя сердца.
Грустно было для отца
И для матерей печальныхъ . . .
А отъ бабокъ повивальныхъ
Какъ узналъ о томъ народъ —
Всякій тутъ разинулъ ротъ,
Ахалъ, охалъ, дивовался,
А иной хоть и смѣялся,
Да тихонько, чтобы въ путь

До Нерчинска не махнуть.
Царь созвалъ своихъ придворныхъ,
Нянекъ, мамушекъ покорныхъ —
Имъ держалъ такой приказъ:
«Если кто нибудь изъ васъ
Дочерей грѣху научитъ,
Или мыслить ихъ приучитъ,
Или только намекнетъ,
Что у нихъ недостаетъ,
Иль двусмысленное скажетъ,
Или кукишъ имъ покажетъ —
То — шутить я не привыкъ —
Бабамъ вырѣжу языкъ,
А мужчинамъ нѣчто хуже,
Что порой бываетъ туже.»
Царь былъ строгъ, но справедливъ,
А приказъ краснорѣчивъ.
Всякъ со страхомъ поклонился,
Остеречься всякъ рѣшился,
Ухо всякъ держалъ востро
И хранилъ свое добро.
Жены бѣдныя боялись,
Чтобъ мужья не проболтались;
Втайнѣ думали мужья:
«Провинись, жена моя!»

. . . .

. . . .

1823.

75.

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы! Весталка,
Тебя мнѣ жалко!

76.

ЭЛЕГІЯ НА КОНЧИНУ ТЕТУШКИ.

Ахъ, тетушка! ахъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Ты къ матушкѣ была любовна,
Ты къ батюшкѣ была добра;
Тебя Матвѣй Михайлычъ кровный*)
Встрѣчалъ всегда среди двора;
Тебя Елизавета Львовна
Любила больше серебра.

---

*) Каммергеръ Солнцевъ, мужъ сестры Василія Львовича Пушкина (Елизаветы Львовны).

Давно ли съ Ольгою Сергѣвной*),
Со Львомъ Сергѣичемъ**) давно-ль,
На зло самой судьбинѣ гнѣвной,
Дѣлила ты и хлѣбъ и соль?
Но вотъ уже Василій Львовичъ
Стихами гробъ твой окропилъ . . .
Зачѣмъ стихи его поповичъ,
Дуракъ Красовскій***) пропустилъ?
1824.

77.

ЭПИГРАММЫ НА БУЛГАРИНА.

I.

Булгаринъ — вотъ Полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ Сарматовъ кровь!
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Сильна къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ Русскимъ,

---

*) Сестра поэта.
**) Братъ поэта.
***) Цензоръ, разсматривавшій надгробную элегію В. Л. Пушкина.

Хоть отъ природы трусоватъ,
Ходилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ:
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей
Уже не воинъ, а писатель,
Ужъ Русскій, къ сраму нашихъ дней.
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И Русскихъ братствомъ запятналъ.

II.

Рѣшилъ, фигляринъ вдохновенный,
Что я въ дворянствѣ мѣщанинъ;
Кто-жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ на мѣщанской дворянинъ.

III.

Лелѣешь ты свои красы:
Ты на лицо румяна сыплешь,
Ты брѣешь бороду, усы,
Ты волоса на тѣлѣ щиплешь;
Все это для жены твоей
(Ты къ ней любовью пламенѣешь) —
Такъ, вѣрю я, мой другъ Ѳаддей,
Но для кого ты г . . . брѣешь?

IV.

Не то бѣда, что ты Полякъ:
Костюшко Ляхъ, Мицкевичъ Ляхъ!
По мнѣ, пожалуй, будь Татаринъ —
И въ томъ не вижу я вреда,
Будь жидъ — и это не бѣда —
Бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ.

1830.

V.

Ѳаддей роди «Ивана»,
«Иванъ» роди «Петра»*):
Отъ дѣдушки болвана
Какого-жъ ждать добра?

VI.

«Повѣрьте мнѣ», Фигляринъ-моралистъ
Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ,
«Не должно красть; кто на руку не чистъ,
Передъ людьми грѣшитъ и передъ Богомъ.
Не надобно въ судѣ кривить душой,
Не хорошо живиться клеветой,
Временьщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже намъ всего!»

---

*) «Иванъ Ивановичъ Выжигинъ» и сынъ его «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» — два романа Ѳаддея Булгарина.

— Но что-жъ? Богъ съ нимъ! Все то къ
природѣ близко,
А кажется, и ново для него.

VII.

Всѣ говорятъ: Онъ Вальтеръ-Скоттъ;
Но я поэтъ — не лицемѣрю:
Согласенъ я — онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ — не вѣрю!

VIII.

Къ Смирдину какъ не зайдешь,
Ничего не купишь;
Иль Сенковскаго найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь.

78.

Я жизнь любилъ, когда, полна
Игривыхъ, сладостныхъ мечтаній,
Она была озарена
Лучами яркихъ упованій
И наслажденьямъ отдана.
Я жизнь любилъ, доколѣ опытъ
И муки огненныхъ страстей
Не возбудили въ сердцѣ ропотъ,

Не изъяснили мнѣ людей.
А нынѣ, къ жизни равнодушный,
Скучаю всѣмъ, и для меня,
Блеснувъ, какъ метеоръ воздушный,
Изчезла прелесть бытія.
Ничто не тронетъ, не взволнуетъ
Души безчувственной моей
И объ утратѣ юныхъ дней
Она ужъ болѣ не тоскуетъ.
Надеждъ обманчивые сны,
Веселья пламенные дни,
Любви таинственныя ночи —
Я васъ забылъ — забылъ и васъ
Обворожительныя очи.
Пылъ прежнихъ чувствъ во мнѣ погасъ,
Я полюбилъ покой безстрастья
И благъ у жизни не прошу:
Я не пойму земного счастья,
Я сердце мертвое ношу.

ОГЛАВЛЕНIЕ.